

ЭЛИТЫ И ЭТНОКОНФЛИКТЫ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ «ВЕЛИКОГО КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА»

П.Л. Карабущенко
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: геополитика, элита, Каспийский регион, глобализация, этноконфликты, постиндустриализм.

Key words: geopolitics, elite, Caspian region, globalization, ethnic conflict, postindustrialism.

В центре Евразии находится регион, который является осевым не только географически, но и культурно-исторически и политически. Евразийская геополитическая ось проходит по линии междуречья Волга-Урал, Каспийское море и уходит в Персидский залив. Соответственно в нем выделяется три зоны: Север (Волга), Центральная часть (Каспий) и Южная (Персидский залив). Страны, находящиеся на этой оси, всегда были в центре геополитического внимания, ибо именно им история отводило роль «великих модераторов» политических процессов. Государства, географически привязанные к этой оси, традиционно именуется «прикаспийскими». Но не только они могут и должны относиться к этому региону. Мы вправе говорить о целой системе, исторически сложившейся и ныне политически функционирующей вокруг этой геополитической евразийской оси. Определить границы геополитического региона позволяет анализ ныне существующих геополитических доктрин ведущих стран мира. И эти политические границы несколько отличаются от границ сугубо географических, что требует особого объяснения.

Каспийский регион – это обширная зона прилегающих и примыкающих к нему территорий, которые оказываются вовлеченными в некие политико-экономические и социокультурные отношения. Непосредственно сам Каспийский регион условно можно разделить на четыре зоны – «Север» (Россия и Казахстан), «Восток» (республики средней и Центральной Азии), «Юг» (зона персидского залива и Ближний Восток) и «Запад» (Кавказ). Но это деление является сугубо географическим. Помимо географического нам надлежит рассматривать еще и геополитическую его структуру, а она несколько отличается от сделанного нами выше географического описания.

По нашему мнению, геополитическое пространство Каспия не может быть ограничено теми пятью государствами, которые имеют непосредственный выход к этому морю. «Каспийская пятерка» (Россия, Казахстан, Туркменистан, Иран и Азербайджан) добавляется еще «Прикаспийской десяткой» (Украина, Турция, Грузия, Армения, Ирак, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан) и присовокупляется *мировой тройкой заинтересованных государств* (США, ЕС, Китай). Такое расширенное толкование этого геополитического пространства позволяет комплексно учитывать все изменения, которые происходят здесь или которые оказывают влияние на него со стороны. Поэтому в структуре геополитике Каспия мы должны выделить такие ее составляющие как «каспискую ось» и «прикаспийскую дугу» [3, с. 76].

При такой постановке проблемы мы получаем целую систему стран, взаимоотношение которых в той или в иной степени выходят на Каспийский регион. «Каспийская пятерка» составляет так называемую геополитическую «ось» этого региона, а страны «Прикаспийской десятки», образуящие вокруг них своеобразный полумесяц, являются «каспиской дугой». Мировая тройка – выражают те силы, которые время от времени вмешиваются в этот геополитический процесс, отстаивая свои национальные интересы. При наличии всех этих трех составляющих мы вправе говорить о существовании «великого геополитического каспийского региона», великого в прямом и переносном смысле этого слова, ибо это будет являться действительно центром, или сердцевинной всего Евразийского континента.

Давление оси на дугу и дуги на ось измеряется величиной геополитической нестабильности дуги и уровнем экономической самодостаточности оси. Дуга нестабильна, ось – стабильна. Дуга находится под напряжением извне, ось дает собственное напряжение изнутри. Такое устройство внутреннего состояния сердцевины Евразии будет полезным для всего этого континента.

Геополитическое пространство Каспия – это сообщество государств объединенных в эту общность географическими, политическими, культурными, социально-экономическими, религиозными и этническими ценностями. Геополитика Каспия – это медленно заполняющаяся красками белое пятно. Другие геополитические регионы (зоны) как «раскраски» давно уже раскрашены, а этот только начинает заполняться, т.е. превращаться в полноценную палитру. Причем «раскрашивать» его следует не в утопически-идеологическом тоне, а в объективно-реалистических тонах. Современные модели геополитики должны выстраиваться не на эмоциональной оценке исторического прошлого, а на здоровом прагматизме сегодняшнего дня.

На Каспии политика делается крайне медленно. Настолько медленно, чтобы не порушить зыбкий мир и не вызвать цепную реакцию геополитических конфликтов. Неосуществленными остаются многие идеи – закрепление правового статуса Каспия, создание организации каспийского экономического сотрудничества, создание инновационного Каспийского государственного университета и т.д. Но также остается без внимания и поиск ответа на постиндустриальный вызов XXI в. Пока это латентная угроза, но в перспективе она может стать самой острой проблемой международного сообщества этого региона.

Глобализация совпала по времени с процессом индустриализации, что заставляет нас видеть в этих дух процессах некую общность, некое возникающее внутреннее единство, которое будет сутью новой исторической эпохи. Если раньше вызов эпохи (выражаясь языком А. Тойнби) требовал от элит решения преимущественно силового характера, то постиндустриальный век требует от них максимальной мобилизации интеллектуальных способностей и активного использования в своей практике так называемых «высоких технологий».

Важно знать не только какими экономическими ресурсами располагают региональные политические элиты, но и какие они исповедуют культурные, религиозные и идеологические ценности? Методология исследования политической культуры – это тот дополнительный механизм, который позволяет проверить качество элиты, проверить ее на уровень исторического выживания.

Культурное пространство этого региона представляет собой лоскутное одеяло, в котором очень много дыр и прорех. Самое главное, что диалог культур, на который рассчитывают многие противники теории «столкновения цивилизаций», находится только в начальном этапе своего формирования и не имеет достаточного авторитета и веса в мировом сообществе. Поэтому самой востребованной темой должна стать тема открытого (либерального) образования, содружество Университетских автономий (прикаспийский научно-культурный диалог «профессоров» и студентов). Более того, по нашему мнению, символом XXI в. должно стать не просто доступное образование, но и открытое элитное (т.е. высокого качества) образование. Если не развивать этой системы в этом регионе, он останется сырьевым придатком мира.

Продолжением темы политической культуры является проблема соотношения политического и морального в поведении правящих элит. В повседневности политические элиты обнаруживают склонность в официальном общении к толерантности и политическому диалогу, но в неофициальных отношениях демонстрируют склонность к конфликтности и силовому решению возникающих проблем. Получается существование двух параллельных плоскостей взаимоотношений – парадная (толерантная) и ненормативная (конфликтная). Причем эти две крайности оказываются попеременно активными.

Несмотря на сделанные нами замечания, Каспийский геополитический регион, не смотря на все существующие мировые риски, демонстрирует нам пример мирного сосуществования и даже диалога цивилизаций в лице российско-азиатского пограни-

чья. На сегодняшний день мы можем смело констатировать тот факт, что у стран входящих в этот геополитический регион нет серьезных конфликтов по отношению друг к другу. Все (или практически все) конфликты приходят сюда извне.

В Каспийском регионе действует принцип веротерпимости и мирного сосуществования этносов различных культурно-исторических типов. Когда на Западе вырабатывались принципы политкорректности и толерантности, как необходимые жизненные условия сосуществования огромного сообщества людей разных национальностей и цвета кож, здесь в самом центре Евразийского континента такая терпимость уже существовало не одно столетие. Запад пришел к политкорректности только через беспринципную жестокость крестовые походы, посеявшие ненависть между христианским и мусульманским мирами. Столкновение цивилизаций – это идеология новых крестоносцев с самых дальних окраин западного мира. Сегодняшняя политкорректность Запада – это его расплата за костры инквизиции, охоту на ведьм и фанатические религиозные войны.

Войны за географию Каспия невозможны в силу бедности (скудости) ее ландшафта. Но войны возможны здесь из-за недр Каспия. Поэтому причина конфликта в этом регионе находится не на поверхности, а в глубине. Война здесь может пойти не по политическим картам, а по таблице Менделеева, тем более, что признанные в прошлом центры добычи нефти (как, например, Саудовская Аравия) уже стоят на пороге истощения своих природных богатств. Об этом прекрасно осведомлены главные геополитические игроки (прежде всего – США), которые в 2000-е гг. сделали все, чтобы максимально усилить здесь свое военно-политическое присутствие.

Для точного анализа и идентификации этноконflikта важно выявить ее точную хронологию и установить всех ответственных лиц, имеющих к ней свою причастность. Время – самое лучшее лекарство в конфликте. Те, кто умеют брать в конфликте паузу, и необходимое время ее держат, чаще всего и становятся победителями конфликта. Во всяком случае, они с наименьшими потерями выходят из этих конфликтных ситуаций, сохраняя при этом свое лицо (честь и достоинство).

Конflikты, возникающие в каспийском регионе, носят весьма разнообразный характер (этнические, политические, религиозные, экономические, социальные), что придает им многоуровневый и многофакторный характер. К ним невозможно применить уже испробованные в других регионах аналогичные средства решения. Каспийский регион это фактически стык двух политических систем – Западной и Восточной. Здесь встречаются Азиатский и Европейский «политические континенты», и как в геологии, так и в политике, между ними происходят «трения» – один континент давит на другой. Смесь европейского и азиатского как раз и придает конфликтам в этом регионе особый характер. Здесь совершенно иное отношение и понимание демократии, свободы, традиции и инновации. Опыт насильственной (Ирак, Афганистан) или добровольной (Пакистан, Турция) демократизации приводит к неоднозначным результатам. Проблема взаимоотношения местных государств с ведущими геополитическими игроками (США, ЕС, КНР, РФ) является важнейшей составляющей международной политики этого региона. От того, как они умеют находить общий язык, является окажутся они в их стане «друзей» или «врагов».

Со стороны России самой проблемной зоной Каспийского региона является его «кавказский хребет». Из всех федеральных округов ЮФО на сегодняшний день самый проблемный. В этом регионе зреют и происходят до 90 % всех этнических и политических конфликтов, происходящих на территории РФ. С самого момента вхождения в состав Российской империи эта территория была зоной постоянной социально-политической напряженности. И эта напряженность часто приводила к локальным войнам (как и физическое состояние гор часто выплескивается землетрясениями, так и геополитическая ситуация этого региона часто грозит социально-политическими катаклизмами).

Юг России в 1990-е гг. был той частью России, где правящая партия и ее элита не пользовались поддержкой подавляющего большинства населения. Положение несколько изменилось в 2000-е гг. Однако следует признать, что большой вес в поддержке партии власти играет не столько свободное волеизъявление проживающего

здесь населения, сколько пресловутый административный ресурс. Федеральная элита покупает у региональной элиты ее лояльное отношение к Центру и к России в целом. «Откупная политика» порочна как с точки зрения морали, так и с точки зрения действующего законодательства, ибо не решает проблему, а загоняет ее вглубь, усиливая и одновременно маскируя сепаратистские настроения и коррупцию среди местного населения и органов власти.

Политические элиты как Северного, так и Южного Кавказа поражены одним общим недугом – этнократией и клановостью. «Законы гор» здесь все еще сильнее законов гражданского общества и государства. Поэтому это зона особо повышенной коррупции и этнополитической конфликтности. И выразителями этих явлений, а также и активными их участниками являются как раз национальные политические элиты.

В республиках Северного Кавказа происходит постепенное сращивание государственных структур с криминальными элементами. Здесь даже пытаются найти некое «идеологическое» обоснование и оправдание практики привлечения в силовые структуры лиц, ранее участвовавших на стороне вооруженных бандитских формирований. Последнее указывает на то, что у этнократических элит не хватает внутренних ресурсов для того, чтобы самостоятельно решать стоящие перед ними проблемы и они вынуждены обращаться за помощью не к федеральному центру, а к своим «вчерашним врагам», для того чтобы сплотиться исключительно на базе своего этноса.

При этом не исключен конфликт интересов между этими этническими политическими элитами, ибо между ними уже вырисовывается конкуренция за то, чтобы лучше выглядеть в глазах федерального центра. Последнее им необходимо, для того чтобы получать необходимое для безбедного существования финансирование. Ни для кого в современной России не секрет, что эти субъекты Федерации являются дотационными и никогда они не будут (в ближайшем обозримом будущем) экономически самостоятельными. В этом плане для России они явная экономическая обуза. Но чашу весов перевешивают не экономические соображения, а геостратегические. Успешно действует политика – «федеральные деньги в обман на лояльность федеральному центру». Пока эта тактика себя оправдывает. Но она не может бесконечно использоваться и превращаться в стратегию. Такое положение дел носит исключительно временный характер.

Геополитика правящих в каспийском регионе политических элит представляет собой сумбур и следование в фарватере не своих внешнеполитических стратегий. Когда кто-то из них (как например Иран) пытается вырваться из жестких рамок мировых геополитических игроков, они попадают в разряд «стран изгоев», хотя вся их вина заключается в том, что они пытались найти свою геополитическую идентичность. Нестабильность в Великом каспийском геополитическом регионе непременно сказывается и на политическом климате ЮФО. Страны каспийской дуги постоянно оказывают свое давление на каспийскую ось, стараясь установить свой (пусть и локальный в пространстве и по времени) контроль или влияние. И здесь уже речь может идти не столько о соперничестве и борьбе политических систем и экономик, сколько о характере борьбы самих элит и о самом их качестве.

Положение усугубляется тем, что у власти ныне находятся политические элиты переходного периода. Диагноз современных политических элит крайне неутешителен. Все они представляют собой образцы элит индустриального века, плохо представляющие себе, что им несет век постиндустриальный, и чем конкретно они будут в нем заниматься? От качества политических элит зависит и само качество управляемого ими государства. А нынешнее время требует революционной смены качества элит, поскольку указывает на то, что мы живем в переходную эпоху, когда развитый индустриализм трансформируется в ранний постиндустриализм.

Вся история России – это история насморка и легкого недомогания, а, следовательно, и некоторого отставания от вполне (но тоже не всегда) здорового развития Западной Европы. Вот почему в России всегда был популярен лозунг модернизации страны. До призыва инновационного развития дело по времени просто не доходило. Это формировало у элиты комплекс постоянного отставания, комплекс неполноцен-

ности, выразившийся в знаменитом советском лозунге – «Догнать и обогнать!». В России всегда что-то модернизируют, всегда что-то реформируют. Но модернизация сама по себе несет факт признания нашего отставания, в то время, как ориентация на инновации – факт стремления быть наравне с лидерами.

Современные элиты служат не стране, и не народу, а исключительно своим личным целям, в крайнем случае – корпоративным интересам. Их эгоизм не самая лучшая основа для продуктивного развития в условиях постиндустриального мира XXI столетия. Высокий уровень коррупции – дань политической моде XX в. Но эта мода в наступившем столетии может сыграть с ними злую шутку. Элиты должны будут адаптироваться к новейшим условиям постиндустриализма, а с таким багажом, как коррупция, справиться с этой задачей им будет не под силу.

Устаревший тип политической элиты может в будущем стать главной угрозой национальной безопасности России. Устаревший – значит не соответствующий нормам и требованиям постиндустриального века. А это практически все современные политические технологи, доставшиеся XXI в. в качестве наследия от века двадцатого.

Критики видят в правящей элите массу недостатков, от нравственного упадка до социально-экономической безответственности. «Не устраивает качество нашей «элиты», мечтающей лишь о том, чтобы «купить домик в английской деревне»... Не устраивают искусственный парламентаризм и искусственные партии. Не устраивает спевка власти с олигархами, которые «равно удалились» лишь на словах... Но нам очень важно задуматься о том, какая Россия нужна нам самим – россиянам? Что нужно поменять в устройстве и механизмах нашей власти, в ее отношении к народу, чтобы Россия стала привлекательной прежде всего для нас самих?» [4, с. 8].

Современные политические элиты оказались в весьма затруднительном культурно-цивилизационном положении: с одной стороны идет стремительная смена индустриальных ценностей ценностями постиндустриального века, с другой столь же стремительно давят глобализм и высокие научные технологии. Инновации начала XXI столетия все больше диссонируют с традиционными представлениями XX в. Поэтому и главным вызовом настоящего времени становится вызов постиндустриализма, и ответа на него у современных элит все еще нет. Особенно это заметно на региональном уровне. Региональные элиты живут исключительно днем сегодняшним и решают сугубо тактические задачи, которые подчас заслоняют собой их стратегическое видение.

Каспийский регион представляет собой смесь индустриальных и доиндустриальных обществ, которые имеют весьма смутное понимание постиндустриальных идей XXI столетия. Скорее всего, XX в. здесь и не заканчивался, а в некоторых странах он еще даже и не начинался. Индустриализм стран этого региона держится преимущественно на сырьевой промышленности. Нефтегазовая игла является главным символом политической культуры этих стран и главным их проклятием. Каспийский регион с примыкающей к нему зоной Персидского залива (а это южное подбрюшье этой центральной евразийской оси) стал в XX в. сырьевым сверхполусом мировой политики. Что будет с экономикой и политикой этих стран, когда постиндустриальный мир перейдет на альтернативные источники энергии? По мнению Я.А. Пляйса качественное переосмысление всех сфер общественной и политической деятельности, в том числе и новое геополитическое переустройство мира [6, с. 9].

Выйти из этого кризиса помогут постиндустриальные высокие научные технологии. Именно они должны привести в соответствие то, что ныне вошло в противоречие с общей логикой развития мира. При этом человечество должно учитывать, что его развитие в XXI в. будет исходить из теоретического научного треугольника – *постиндустриализм* (ПИ), *теории глобализации* (ТГ) и развитие *нанотехнологий* (НТ). Если политическая наука не сможет своевременно отреагировать на эти качественные изменения, то нанотехнологии сами без ее ведома (согласия и участия) изменят политику до неузнаваемости, в соответствии со своими принципами и ценностями [2, с. 77]. А это значит, что придется пересмотреть не просто большую часть современной политической теории, но и внести существенные поправки и в саму поли-

тическую практику. С последним, однако, политическая наука не торопится, хотя времени на раскачку у нее практически не осталось.

Вторжение нанотехнологий в общественную и частную жизнь граждан и политиком будет напрямую зависеть от качества экономического состояния конкретного государства. Но это вторжение может оказаться столь стремительным, что у правящих элит просто не будет времени для культурно-исторической адаптации к этим новым условиям. Российские политические элиты уже начали постепенно понимать это. Во всяком случае, в их политической риторике уже появились тревожные нотки относительно недостаточной модернизации страны и необходимости развития именно инновационной экономики [5]. Но то, как это предлагается делать властями, вызывает эйфорию среди сторонников власти и недоумение среди независимых экспертов [1]. Российскому обществу еще предстоит разобраться и дать оценку текущим инициативам власти, главное чтобы они работали на «мельницу» общероссийских интересов, а не на узко корпоративные. Россия, несомненно, должна двигаться вперед. Но как? Ответ на этот вопрос должны дать не только политики, но и сама политическая наука.

Библиографический список

1. *Афанасьев, Ю.* Вперед нельзя назад! / Ю. Афанасьев, А. Давыдов, А. Пелипенко // Новая газета. – 2009. – № 115. – С. 7–10.
2. *Карабущенко, П. Л.* Современное состояние российской элитологии / П. Л. Карабущенко // Политическая наука на Юге России: Итоги двадцатилетнего развития : материалы Международной научно-практической конференции (11–12.03.2009 г.). – Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2009. – Вып. 1. – С. 73–78.
3. *Карабущенко, П. Л.* Элитные сообщества Прикаспийских государств (взгляд изнутри и снаружи) / П. Л. Карабущенко // Вопросы элитологии. – 2006. – Т. 3. – С. 76–84.
4. *Костиков, В.* Как мы распорядимся победой? / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2008. – № 34 (1451). – С. 8.
5. *Медведев, Д. А.* Россия, вперед! / Д. А. Медведев // Известия. – 2009. – № 167 (27938). – С. 1–3.
6. *Пляйс, Я. А.* Политическая наука в современной России: новые вызовы Нового времени / Я. А. Пляйс // Политическая наука на Юге России: Итоги двадцатилетнего развития : материалы Международной научно-практической конференции 11–12.03.2009 г. – Вып. 1. – Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2009. С. 6–12.

НАРКОАГРЕССИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

С.В. Новоселов
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: демографический кризис, молодежь, наркотические средства, наркоугроза, наркоагрессия, оружие массового поражения, угроза безопасности, эффективность управления.

Key words: demographic crisis, youth, drugs, drug threat, drug aggression, weapons of mass destruction, threat for national security, administration efficiency.

Существующая в настоящее время транснациональная проблема распространения и злоупотребления наркотическими средствами относится к числу острейших проблем современности. Данная проблема стала явлением, разрушительным для общества, для здоровья людей, политической и экономической стабильности государства: рост преступности, теневой экономики, насилие, коррупция, истощение людских, природных и финансовых ресурсов, которые могли бы быть использованы в целях социально-экономического развития, ослабление политической, культурной, социальной и экономической структуры общества.